

THE INTERCULTURAL CORRESPONDENCES OF ZOOMORPHISMS IN PERSIAN AND RUSSIAN FAIRY TALES

Komleva Elena Valerievna^{1*}

Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance October 2025)

Abstract

A comparative analysis of zoomorphic metaphors in Persian and Russian fairy tales is carried out. The relevance of this study is determined by the importance of studying fairy tales for their preservation as a national, folk cultural, and linguistic heritage. The novelty of the work lies in the comparative analysis of the texts of fairy tales belonging to the Persian and Russian language continuums and different traditions of their cultural origin. The material for the study consisted of Persian and Russian folk and original fairy tales based on the zoomorphic representation of fairy tale characters. Persian fairy tales are studied with the help of translations into Russian published in the famous collection of Persian fairy tales published in Moscow by the Eastern Literature publishing house in 1958. The source for the translations was Persian fairy tales from newspapers, magazines, and collections published in Iran. Despite the cultural originality of Persian and Russian fairy tales, the commonality of their division into everyday tales, fairy tales, and tales about animals is noted. The structural similarity of Persian and Russian fairy tales is based on the presence of a beginning, plot development, and a denouement that does not have an unambiguous interpretation and encourages the reader to further reflection. The plot similarity is manifested in the names of the zoomorphic characters themselves, their possession of positive and negative qualities, and their ability to transform into human images. The fairytale-allegorical form of the narrative, based on images of animals, allows us to focus the reader's attention on such vices as greed, stupidity, envy, and talkativeness, which enhances the educational potential of the fairy tale. Despite the similarity of some plot lines and characteristics, the originality of Russian and Persian fairy tales is manifested in a special national flavor, in endowing animal images with different cultural meanings, characters, actions, and attitudes towards each other. The research material gives a clear idea of the division of zoomorphic images presented in the texts of Persian and Russian fairy tales into three groups: completely equivalent, partially equivalent, and original. In this regard, the work analyzes the similarities and differences of zoomorphisms using examples from text sources.

Keywords: Fairy Tale, Zoomorphism, Metaphor, Comparison, Equivalent, Analogue.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Corresponding author.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПЕРСИДСКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ

Комлева Елена Валерьевна^{1*}

Доцент, Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

(дата получения: сентябрь 2024 г., дата принятия октябрь 2025 г.)

Аннотация

Проводится сопоставительный анализ зооморфных метафор в персидских и русских сказках. Актуальность данного исследования определяется важностью изучения сказок для их сохранения как национального, народного культурно-языкового наследия. Новизна работы состоит в сопоставительном анализе текстов сказок, принадлежащих к персидскому и русскому языковым континуумам, разным традициям их культурного происхождения. Материалом для исследования послужили персидские, русские народные и авторские сказки, основанные на зооморфическом представлении персонажей сказок. Персидские сказки при этом изучаются с помощью переводов на русский язык, опубликованных в известном сборнике персидских сказок, вышедшем в Москве в издательстве «Восточная литература» в 1958 году. Источником для переводов послужили персидские сказки из газет, журналов, сборников, вышедших в свет в Иране. Несмотря на культурную самобытность персидских и русских сказок, отмечается общность их разделения на бытовые, волшебные и сказки о животных. Структурное сходство персидских и русских сказок основывается на наличии зачина, развитии сюжета, развязки, не обладающей однозначностью трактовки, и побуждающей читателя к дальнейшему размышлению. Сюжетное сходство проявляется в наименовании самих зооморфных персонажей, обладании ими положительными и отрицательными качествами, в их способности превращаться в человеческие образы. Сказочно-аллегорическая форма повествования, основанная на образах животных, позволяет заострить внимание читателя на таких пороках как алчность, глупость, зависть, болтливость, что усиливает воспитательный потенциал сказки. При сходстве некоторых сюжетных линий и характеристик персонажей, самобытность русских и персидских сказок проявляется в особом национальном колорите, в наделении образов животных разными культурными смыслами, характерами, поступками, отношением друг к другу. Исследовательский материал дает четкое представление о делении зооморфных образов, представленных в текстах персидских и русских сказок, на три группы: полностью эквивалентные, частично эквивалентные, самобытные. В этой связи в работе анализируются сходства и отличия зооморфизмов с привлечением примеров из текстовых источников.

Ключевые слова: сказка, зооморфизм, метафора, сравнение, эквивалент, аналог.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Ответственный автор.

Введение

Изучение сказок не теряет своей актуальности. Тексты сказок неоднократно попадали в фокус внимания филологов, педагогов, методистов, культурологов, психологов. Так, например, монография В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», впервые опубликованная в 1928 году, пережила уже несколько переизданий (Пропп 2021), что свидетельствует об интересе читателей к анализу структурных элементов сюжетно близких сказок. Изучению сказок разных типов в начальной школе посвящает учебное пособие К. П. Шестипалова (Шестипалова 2021), психологические и культурологические аспекты образа Бабы Яги описываются в коллективной монографии И. В. Вачковым, А. Е. Ноговицыным, В. И. Пономаревой (Вачков 2023), сказки А. С. Пушкина, переведенные на китайский язык, исследуются на предмет прагматической адаптации при переводе У. Цзинвэнь (Цзинвэнь 2017). Список работ, в которых сказка является объектом научного исследования, может быть продолжен. Наличие обширной научно-теоретической базы, посвященной разностороннему изучению текста сказки объясняется, по всей видимости, тем, что сказка является ценным источником этнографического знания, исторических сведений, народной мудрости, воспитательного потенциала. Сказка, наряду с колыбельной песней, относится к речевому произведению, которое с первых дней рождения ребенка, сопровождает его детские годы. Сказка, рассказанная мамой, бабушкой, няней, дает ребенку не только первые представления о жизни, но и формирует его картину мира, включающую, мировосприятие, мироощущение, мировоззрение.

Объектом нашего исследования являются сказки о животных, независимо от их принадлежности к народному фольклору или перу одного автора. Цель исследования определяется как выявление разноуровневых межкультурных соответствий зооморфизмов в текстах персидских и русских сказок.

Основными методами исследования являются дедуктивный подход, т.е. направление изучения от исследовательского материала к деталям анализа, позволяющим сделать выводы, обобщения, компаративный анализ, который дает богатый материал для понимания сходств и различия сказок разных народов. Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки. Материалом для исследования послужили персидские, русские народные и авторские сказки с зооморфическим представлением персонажей сказок. Персидские сказки при этом изучаются с помощью переводов на русский язык, опубликованных в известном сборнике персидских сказок, вышедшем в Москве в издательстве «Восточная литература» в 1958 году (Персидские сказки 1958). Источником для переводов на русский язык послужили персидские сказки, заимствованные из газет, журналов, сборников фольклорных текстов, вышедших в свет в Иране. Новизна работы состоит в сопоставительном анализе текстов сказок, принадлежащих к персидскому и русскому языковым континуумам, разным традициям их культурного происхождения, но основанных на схожих зооморфных образах персонажей.

Основная часть

Классификация исследуемого объекта является, как известно, одной из важных ступеней его изучения. В этой связи важна для данного исследования классификация сказок по содержательному признаку, чтобы избежать неточности толкования самого объекта исследования, который выше обозначен как «сказки о животных». Вопрос об общей классификации сказок является дискуссионным, о чем свидетельствует их многообразие (Миллер 1893, Аарне 1911, Пропп 2021, Афанасьев 2020, Овчинникова 2003). Не вдаваясь в детали этого вопроса в рамках данной научной работы, отметим, что всеми исследователями, так или иначе, признается деление всего корпуса текстов сказок на сказки с чудесным содержанием, сказки бытовые, сказки о

животных (Пропп 2011.13). Это деление принимают и составители сборника персидских сказок, на что указывает оглавление сборника, включающее волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных (Персидские сказки 1958. 511). При этом в сказках животным придаются черты характера, образ мыслей и поведения человека. В сказках о животных люди и животные делят статус главных героев, как, например, в сказке «Старушка» (Персидские сказки 1958. 462). Интересно, в данной связи, аналогичное деление сказок по содержательному признаку, данное А. Н. Афанасьевым в его сборнике сказок (Афанасьев 2020) и отнесение сказки «О рыбаке и рыбке» к сказкам о животных, а не к бытовым сказкам или сказкам с чудесным содержанием (Пропп 2021. 13).

Поскольку вопрос о происхождении сказок, принадлежащих разным народам, до конца не решен, остается открытым и вопрос о сходстве сюжетов сказок, появившихся в разных частях земного шара при исторически доказанных фактах, об отсутствии коммуникации между этими народами. Названия сказок с зооморфными персонажами меняются, претерпевают изменения и атрибуты действующих лиц, но не меняются их функции, что и становится основой компаративного анализа. Отметим, что в данном случае под функцией вслед за В. Я. Проппом мы понимаем поступок персонажа, определенный с точки зрения его значимости для развития сюжетной линии сказки (Пропп 2021. 41). Именно функция как поступок персонажа, его действия служит основой для компаративного анализа иранских и русских сказок. Наш исследовательский материал показывает, что зоонимические персонажи совершают схожие действия: хитрят, обманывают, помогают ближнему, обладают схожими чертами характера, например, излишней доверчивостью, проявляют зависть, полны доброты и т.д. Хронотоп сказок очень прост из-за ограничения пространства, включающего исключительно место обитания (проживания) животных – персонажей сказок. Сюжеты как

последовательность событий в русских и иранских сказках с зооморфными персонажами также обнаруживают совпадения. Отметим незамысловатость сюжета сказки. Сюжет имеет очень короткую экспозицию типа: «Было так или не было, а кроме бога никого не было» (Персидские сказки 1958. 494). Завязка также отличается компактностью изложения: «Однажды над степью летел воробей. Вдруг он увидел: на поле мужчины и женщины собирают хлопок» (там же). Кульминация как развитие событий, как правило, имеет форму диалога, в репликах которого раскрываются взаимоотношения персонажей, их психологические качества, противоречия между другими героями сказок, столкновения с трудными обстоятельствами. Краткая заключительная часть сюжета, в которой сообщается о настоящей судьбе персонажа: «Слуги так и сделали, и воробей зажил в клетке, лакомясь сладостями и попивая щербет и розовую воду» (там же. 497). Эпилог, который в очень сжатой, содержательно концентрированной форме описывает дальнейшие события, связанные с жизнью персонажа: «Сказка кончилась, а воробей до своего гнезда не долетел» (там же). Несмотря на лапидарность изложения, такой эпилог побуждает к сложным размышлениям, которые в случае с воробьем, как главным героем сказки, дает отчетливое представление о печальном продолжении жизни воробья за стенами золотой клетки, которая предстает как символ окончания свободной жизни. Аналогичную композицию мы встречаем и в русских сказках, так сказка «Звери в яме» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>) имеет такую же краткую экспозицию: «Шла свинья в Питер богу молиться» и завязку: «Попадается ей волк навстречу» кульминация также представляет собой диалогическое единство, где через речевые портреты раскрываются психологические образы персонажей. Сказку венчает краткий, но емкий эпилог, побуждающий читателя к дальнейшему размышлению: «Осталась лиса одна-одинёхонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю» (там же).

Отсутствия точных сведений об источнике происхождения сказок, на что уже указывалось выше, не противоречит тому, что сказки о животных дают читателю представление об эволюции человека, жизнь которого всегда сопровождалась встречами с животным миром, но характер этих встреч менялся, о чем свидетельствуют и сюжеты сказок о животных. В таких сказках наш исследовательский материал позволяет выделить три крупные сюжетные разновидности. К первой из них, по всей видимости, к самой старой разновидности, относятся сказки о многообразии животного мира. Появление таких сказок является следствием того, что человек был охотником, наблюдал за повадками животных, их образом жизни. Так, русская сказка «Про глухаря» (Добрые сказки для самых маленьких 2007. 121) рассказывает, почему глухарь зимует под снегом, как он питается, по какой причине птица получила такое название. Такие сказки расширяют представление ребенка о животном мире. Ярким образцом сказок о животных, в которых отдельное животное является главным персонажем, стали сказки русского писателя М. М. Пришвина (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru>). Он, умело придавая животным олицетворение, не «выхватывал» из привычного природного окружения, а напротив, через это окружение еще детальнее, еще глубже раскрывал неповторимый зооморфный образ. Одной из популярных и любимых детьми сказок является сказка «Беличья память» (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>). Уже само название придает белке – главной героине сказки – антропоморфные черты, поскольку память ассоциируется всегда со свойствами нервной системы человека. Лексема «память» в названии текста сказки становится основой метафорического образа белки как живого существа, обладающего интеллектуальными свойствами. Несмотря на малоформатность текста, он обнаруживает два плана повествования – реальный и сказочный. Оба плана повествования начинает сам рассказчик. В начале текста автор вводит

читателя в реальный сюжет из собственной жизни, делится наблюдениями за животным: «Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела – я скорлупки нашел. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью ползку» (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>). Далее автор сам же прерывает реальность сюжета, восклицая: «Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними». Наименование происходящего «чудом» придает сказочность всему сюжету повествования, а белке – антропоцентрический образ, который автор еще более усиливает дальше, указывая на то, что для него самого явилось наиболее удивительным: «Но самое удивительное – она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!» (там же). При явном отсутствии в тексте упоминания о волшебстве, совершаемого волшебниками, описанные свойства памяти белки предстают как сверхъестественные, благодаря чему текст получает «оттенок» сказочного волшебства.

В иранских сказках мы не обнаруживаем сказок с одним героем – животным, которому подчинено все повествование, раскрывающее его природные особенности, состояние и перемены в нем, знакомя, тем самым читателя с миром животных. Исследовательский материал располагает сказками, также рассказывающими об особенностях сразу нескольких хищных или домашних животных. Так, например, сказка про шакала «Куцый шакал» (Персидские сказки 1958. 488), в которой освещаются повадки этого животного, его образ жизни, также знакомит читателя с природным миром, но данная сюжетная линия не является единственной, она вплетается в другую,

усложняя сюжет, в котором появляются другие животные, люди, описываются их сложные взаимоотношения. В этой связи речь о подобных сказках пойдет далее, в разделе, посвященном иной разновидности сюжета.

Свидетельством тому, что эволюционируя, человек от охоты пришел к занятию скотоводством, являются сказки со второй разновидностью сюжета. В таких сказках персонажами выступают животные, прирученные человеком. Ярким примером служит персидская сказка «Старушка» (Персидские сказки 1958. 462). Сказка повествует о том, как в дом пожилой женщины из-за сильной непогоды попеременно стучатся и просятся на ночлег воробей, курица, ворона, осел, собака, осел. В развязке сюжета каждое из животных попросило хозяйку дома остаться навсегда и приносить ей посильную пользу. Сюжет сказки раскрывает незамысловатым образом историю о том, как человек, приручив животных, занялся их разведением и перешел от присваивающего хозяйства к производящему. Главным героем этих сказок является человек, который сначала помог животным, а затем они стали его верными помощниками. Тесное взаимодействие человека с животным на благо человека описывается и русским писателем П. П. Ершовым в сказке «Конек-Горбун» (Ершов 2013).

Сказки, где главные герои – животные, рассказывают с помощью образов животных о людях, отличаются от двух первых разновидностей с простым развитием сюжета, усложнением сюжета, наличием нескольких сюжетных линий, и обозначаются нами как сказки с третьей сюжетной разновидностью. Данные сказки свидетельствуют о развитии фольклорного художественного мышления, с чем связано усложнение зооморфических образов, которыми наделяются животные. Животные обладают способностью общаться друг с другом и с людьми, проявляя при этом свои положительные и отрицательные качества, играть на музыкальных инструментах, готовить еду, вести домашнее хозяйство. Данные сказки мы обозначаем как сказки с сюжетом третьей

разновидности. Метафорическими человеческими образами наделялись в первую очередь животные, которые обитали в местности проживания рассказчиков сказок. Очевидно, что это обстоятельство объясняет отсутствие в русских народных сказках персонажей в образе тигра, жирафа, обезьяны, слона. В иранских сказках героями, в этой связи, являются шакал, волк, лиса, курица, коза, воробей, мышь, медведь, лев. В русских сказках зооморфические образы героев представлены такими животными как волк, лиса, петух, журавль, медведь, заяц, курица, тетерев, дятел, коза. Межкультурными зооморфизмами в сказках, таким образом, становятся лиса, волк, мышь, медведь, курица, коза. Ограниченность объема научной статьи не позволяет рассмотреть все межкультурные зооморфные соответствия в текстах сказок, поэтому мы остановимся на наиболее частотных из них.

Интересна межкультурная особенность, прослеживающаяся в русских и иранских сказках: зооморфические персонажи часто представлены сообществом, состоящим из лисы, медведя и волка. При этом лиса – наиболее частотный персонаж русских сказок. Так в первом томе сборника сказок А. Н. Афанасьева представлено девяносто четыре сказки, в пятнадцати из них лиса является главным героем (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>). В сборнике «Персидские сказки» раздел сказок о животных включает девятнадцать сказок. В пяти сказках из девятнадцати лиса играет роль главного персонажа (Персидские сказки. 1958). В качестве примера рассмотрим персидскую сказку «Лиса-Шейх» (Персидские сказки. 1958. 475). Сказку начинает типичная экспозиция: «Было так или не было, а кроме бога никого не было» (там же). Уже в завязке дается характеристика главного героя: «Жила-была лиса, большая плутовка. Всегда-то она хитрила, всегда окольными путями бегала – говорят, даже кишки в брюхе у нее и те, не прямо шли, а вкривь, да вкось петляли. Всю жизнь она только и делала, что разными хитростями ловила птиц и поедала их» (там же). Здесь же указывается на отношение других

персонажей к лисе, что делает ее психологический портрет еще более исчерпывающим: «Постепенно все звери узнали ее и перестали ей верить. Как заметят ее издали, так – бросаются прочь, пока не убегут на целый фарсанг» (Там же.). Петух – один из персонажей сказки – задает вопрос, который также характеризует лисицу: «...что это за плутовство и хитрость» (там же. 476). Несмотря на то, что хитрость лисы стала ее визитной карточкой, петух, баран, волк, медведь, осел поддаются на ее уловки. В ходе развития сюжета звери делятся для ночлега на две группы: волк, медведь, лиса и петух, баран, осел. Принцип такого разделения, который, как указывалось выше, пересекается и с русскими сказками, точно определить трудно. По всей видимости, в окружение лисы попадают звери, которые не могут быть ее «гастрономической» добычей. Окружение лисицы, также как и она сама, не отличающееся чистотой нравов, поддается на ее предложение съесть петуха, барана и осла, которые в итоге выходят победителями из злой интриги. В развязке сказки петух, баран и осел возвращаются к своим хозяевам, а на лису, волка, медведя люди бросились с камнями и палками.

Аналогичное окружение лисицы, состоящее из волка и медведя, мы встречаем в русской сказке «Звери в яме» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki/>). В сказках пересекается и мотив, который побудил животных отправиться в путь: «Шла свинья в Питер богу молиться» (там же), в персидской сказки персонажи отправляются в паломничество (Персидские сказки 1958. 477). Дорога, ведущая к местам паломничества, не очистила души персонажей сказки от злых помыслов. Эквивалентность сюжетов заключается в том, что в русской сказке животные также проголодались, утомились и попали в яму, где вынуждены были провести некоторое время. Яма, в которую попали звери, является символом безвыходности положения. В таком положении оказываются персонажи, идущие на поводу хитрости и коварства, позволяющие этим качества завладеть разумом. Из ямы не может быть

спасения. С помощью хитрости лисицы были съедены все звери, даже волк. Лисица осталась в яме одна, перехитрив саму себя. Эпилог рассказывает о том, что лисица так и сидела в яме «одна-одинехонька» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>). Сопоставление этих двух сказок позволяет выявить аналогичную тему – противоборство сильных животных и слабых, в ходе раскрытия которой обнаруживаются схожие черты зооморфных персонажей. За определенными персонажами закрепились соответствующие характеристики: хитрость – за лисой, глупость – за медведем, способность на подлость – за волком. Компаративный анализ указывает и на эквивалентность идеи персидской и русской сказок. Главная идея, пронизывающая анализируемые сказки, может быть сформулирована следующим образом: паломничество к святым местам должно начинаться с искреннего покаяния, которое позволяет не только обозначить собственные недостатки, как это сделали персонажи сказок («Затем петух обратился к лисе и сказал: “Я ведь тоже не безгрешен, я передушил много всяких тварей: тараканов, саранчи и червяков. Пойду-ка и я с тобой в паломничество!”») (Персидские сказки 1958. 476), но признание этих недостатков. Паломничество сопряжено с принятием лишений, возникающих в пути, благодарности за скудную пищу как ниспосланную Богом. В противном случае, путь тех, кто называет себя паломниками, но при этом имеет темные помыслы в отношении к себе подобным, станет дорогой в яму, из которой нет выхода.

Осуществляя компаративный анализ сказок на предмет поиска межкультурных зооморфических соответствий, нельзя обойти вниманием сказки с самобытными образами, не имеющими эквивалентов в ином речевом континууме, послужившем основой для сопоставительного анализа.

Сказка про шакала, с названием «Куцый шакал», представляет исследовательский интерес по двум причинам: во-первых, данная сказка относится к сказкам с безэквивалентным по отношению к русским сказкам

самобытным персидским зооморфизмом. Во-вторых, сказка отличается сложностью развития сюжета из-за переплетения сразу трех намеченных выше особенностей развития сюжета сказки. Сказка вбирает в себя черты первой сюжетной линии с описанием особенности животного, например, указывает на то, что «...шакал был хитрец и ловкач, умел замести следы» (Персидские сказки 1958. 488), описываются такие повадки хищника как умение отгрызть часть собственной плоти, попавшей в капкан, чтобы сохранить себе жизнь. В анализируемой сказке обнаруживается и вторая разновидность сюжетной линии, поскольку утверждается факт приручения человеком козы, ставшей домашним животным, факт разведения кур, благодаря чему человек смог разбогатеть. Третья сюжетная линия, отличающаяся сложным психологическим взаимодействием человека и животного, проявляется в данной сказке широким описанием коварства шакала по отношению не только к человеку, доверившемуся ему, но и к себе подобным животным. Удивление вызывает не только коварство шакала, но и продуманность и изощренность его коварства, о чем свидетельствуют в тексте глаголы, принадлежащие к лексико-семантической ментальной группе. Приведем примеры из текста сказки: «Задумался шакал», «Он все еще раздумывал» (Персидские сказки 1958. 490), «и решил он» (там же 492). В исследовательском материале зооморфный образ шакала является специфическим для персидских сказок, поскольку, отличается наибольшим коварством и подлостью в сравнении с другими зооморфными персонажами, но, при этом наименьшей повторяемостью. Сказка с данным зооморфизмом фиксируется нами единожды.

Заключение

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с изучением межкультурных соответствий иранских и русских зооморфизмов в сказках, можно сделать следующие выводы. Первой межкультурной особенностью,

объединяющей иранские и русские сказки, является их схожая композиция, включающая: краткую экспозицию, компактную завязку, кульминацию, разворачивающуюся в форме диалога, через реплики которого раскрываются сами персонажи, заключительную часть, в которой сообщается о судьбе персонажа, эпилог, побуждающий читателя к размышлению. Второй особенностью является три основные разновидности зооморфных персонажей: животное как отдельный главный персонаж, животные, прирученные человеком и взаимодействующие с ним, метафорические образы животных, с помощью которых высвечиваются пороки, присущие людям. Третья межкультурная особенность состоит в усложнении сюжета сказки, основанной на зооморфных метафорах, что свидетельствует о развитии фольклорного художественного мышления, в наделении образов животных разными культурными смыслами, характерами, поступками, тонкими психологическими чертами, сложным отношением друг к другу. Четвертое межкультурное сходство состоит в четком делении зооморфных образов, представленных в текстах персидских и русских сказок, на три группы: полностью эквивалентные, частично эквивалентные, самобытные. Пятой объединяющей сказки межкультурной идеей является уважительное, искреннее отношение к вере. Шестая межкультурная особенность, присущая персидским и русским сказкам заключается в наличии национального колорита, самобытности, глубокой народной мудрости, что позволяет сказкам оставаться важным культурным наследием любого народа, сохранять воспитательный потенциал как основу для духовного развития подрастающего поколения.

Литература

- 1- Афанасьев А. Н. (2020). *Народные русские сказки*, Москва, Изд-во «Альфа-книга».
- 2- Афанасьев А. Н. *Народные русские сказки*, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>, дата обращения 12.08.2024.

- 3- *Добрые сказки для самых маленьких* (2007), Москва: Изд-во «Астрель».
- 4- Вячков И. В. (2023). *Жила-была Баба Яга... Психологические и культурологические аспекты*, Москва: Изд-во «Академический проект».
- 5- Ершов П. П. (2013). *Конек-горбунок*, Москва, Изд-во «Акварель».
- 6- Миллер В. Ф. (1893). *Всемирная сказка в культурно-историческом освещении*, Москва: Изд-во «Русская Мысль».
- 7- Овчинникова Л. В. (2003). *Русская литературная сказка XX века. История. Классификация. Поэтика*, Москва, Изд-во «Наука».
- 8- *Персидские сказки* / Составитель: Н. Османов. (1958). Москва: Изд-во Восточной литературы.
- 9- Пришвин М. М. *Беличья память*, URL: <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>, дата обращения 12.08.2024
- 10- Пропп В. (2021). *Морфология волшебной сказки*, Москва: Изд-во «Азбука».
- 11- Шестипалова К. П. (2021). *Изучение сказок разных типов в начальной школе: методическое пособие*, Москва: Изд-во «Русское слово – учебник».
- 12- Цзиньвэнь, У. (2017). *Зооморфные и фитоморфные образы в сказках А.С. Пушкина и их переводах на китайский язык* // Научный диалог, № 8.
- 13- Aarne, A. (1911). *Verzeichnis der Märchentypen* // *Folklore Fellows Communications*. N 3, Helsinki.

Bibliography

- 1- Afanas'ev A. N. (2020). *Narodnye russkie skazki*, Moskva, Izd-vo «Al'fa-kniga».
- 2- Afanas'ev A. N.. *Narodnye russkie skazki*, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>, data obrashcheniia 12.08.2024.
- 3- *Dobrye skazki dlia samykh malen'kikh* (2007), Moskva: Izd-vo «Astrel'».
- 4- Viachkov I. V. (2023). *Zhila-byly Baba Iaga... Psikhologicheskie i kul'turologicheskie aspekty*, Moskva: Izd-vo «Akademicheskii proekt».
- 5- Ershov P. P. (2013). *Konek-gorbunok*, Moskva, Izd-vo «Akvarel'».
- 6- Miller V. F. (1893). *Vsemirnaia skazka v kul'turno-istoricheskoi osveshchenii*, Moskva: Izd-vo «Russkaia Mysl'».
- 7- Ovchinnikova L. V. (2003). *Russkaia literaturnaia skazka XX veka. Istoriia. Klassifikatsiia. Poetika*, Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 8- *Persidskie skazki* / Sostavitel': N. Osmanov. (1958). Moskva: Izd-vo Vostochnoi literatury.

- 9- Prishvin M. M. *Belich'ia pamiat'*, URL: <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>, data obrashcheniia 12.08.2024
- 10- Propp V. (2021). *Morfologiia volshebnoi skazki*, Moskva: Izd-vo «Azbuka».
- 11- Shestipalova K. P. (2021). *Izuchenie skazok raznykh tipov v nachal'noi shkole: metodicheskoe posobie*, Moskva: Izd-vo «Russkoe slovo – uchebnik».
- 12- Tszinven', U. (2017). *Zoomorfnye i fitomorfnye obrazy v skazkakh A.S. Pushkina i ikh perevodakh na kitaiskii iazyk* // Nauchnyi dialog, № 8.
- 13- Aarne, A. (1911). *Verzeichnis der Märchentypen* // Folklore Fellows Communications. N 3, Helsinki.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Komleva E. V. (2026). THE INTERCULTURAL CORRESPONDENCES OF ZOOMORPHISMS IN PERSIAN AND RUSSIAN FAIRY TALES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 85-101.

DOI: 10.61186/IARLL.27.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/391>

هم‌ارزی‌های میان‌فرهنگی زومورفیس‌ها (جانور گونه‌ها)

در قصه‌های فارسی و روسی

یلنا والری‌یونا کوملوا^{*۱}

دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم اورنبورگ،
اورنبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۴؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله، تحلیل تطبیقی استعاره‌های زومورفیک (جانور گونه‌ها) در قصه‌های فارسی و روسی انجام می‌گیرد. اهمیت این پژوهش از ضرورت مطالعه قصه‌ها با هدف حفظ آن‌ها به عنوان میراث ملی و مردمی فرهنگی - زبانی ناشی می‌شود. نوآوری تحقیق در تحلیل تطبیقی متون قصه‌هایی است که به دو پیوستار زبانی فارسی و روسی تعلق دارند و ریشه در سنت‌های متفاوت خاستگاه فرهنگی دارند. مواد پژوهش شامل قصه‌های فارسی، قصه‌های عامیانه و قصه‌های تألیفی روسی است که بر بازنمایی جانور گونه‌ها، شخصیت‌های قصه‌ها استوارند. قصه‌های فارسی در این پژوهش از طریق ترجمه‌های روسی منتشر شده در مجموعه شناخته شده قصه‌های فارسی، چاپ شده در سال ۱۹۵۸ در مسکو، در انتشارات «ادبیات شرقی»؛ مورد بررسی قرار گرفته‌اند. منابع این ترجمه‌ها قصه‌های فارسی منتشر شده در روزنامه‌ها، مجلات و مجموعه‌هایی بوده‌اند که در ایران به چاپ رسیده‌اند. با وجود اصالت فرهنگی قصه‌های فارسی و روسی، اشتراک آن‌ها در تقسیم‌بندی به قصه‌های عامیانه، قصه‌های جادویی و قصه‌های حیوانات مورد توجه قرار می‌گیرد. شباهت ساختاری قصه‌های فارسی و روسی مبتنی بر وجود آغاز، گسترش پیرنگ و فرجامی است که تفسیری یگانه و قطعی ندارد و خواننده را به تأمل بیشتر فرامی‌خواند. شباهت‌های روایی در نام‌گذاری شخصیت‌های جانور گونه، دارا بودن ویژگی‌های مثبت و منفی، و توانایی آن‌ها در دگردیسی به صورت‌های انسانی آشکار می‌شود. صورت روایت تمثیلی قصه‌ای که بر تصاویر حیوانی استوار است، امکان برجسته سازی رذایلی چون حرص، نادانی، حسادت و پرگویی را فراهم می‌سازد و بدین سان، ظرفیت تربیتی افسانه را تقویت می‌کند. با وجود شباهت برخی خطوط داستانی و ویژگی‌های شخصیت‌ها، اصالت قصه‌های فارسی و روسی در رنگ و بوی ملی خاص آن‌ها جلوه گر می‌شود؛ بدین معنا که تصاویر حیوانی با معانی فرهنگی، خصلت‌ها، کنش‌ها و روابط متفاوتی آراسته می‌شوند. مواد پژوهشی، تصویری روشن از تقسیم‌بندی تصاویر جانور گونه حاضر در متون قصه‌های فارسی و روسی به سه گروه ارائه می‌دهد: کاملاً معادل، تا حدودی معادل و اصیل (غیر معادل). بر همین اساس، در این مقاله شباهت‌ها و تفاوت‌های زومورفیس‌ها با استناد به نمونه‌هایی از متون مورد تحلیل قرار گرفته‌اند.

واژگان کلیدی: قصه، زومورفیس (جانور گونه‌ها)، استعاره، مقایسه، هم‌ارزی، همتایی.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>; 57219025316

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی